

Королевская Гавань - это совсем не то, для чего у Джона действительно были слова. Она была огромна, красота и вычурность наслаивались друг на друга, подобно тому, как зловоние мочи и дерьма наслаивается на запахи летних цветов и соленой воды. Он не мог сделать глубокий вдох, не вспомнив, где находится, и не был уверен, хорошо это или плохо. Красная Крепость... От Красного Замка у него перехватило дыхание, в груди все сжалось от странной смеси смутной принадлежности, глубоко укоренившейся печали и страха, а также ярости, которую он до сих пор не осознавал и культивировал в себе. Он загнал все это под личину, цепляясь за слова совета Леди Оленны, изо всех сил стараясь ничего не выдать там,...

К счастью, никто не обратил на него особого внимания: Джон прибыл в Королевскую Гавань в самый разгар скандальной трагедии. Все, что он мог узнать из слухов, доходивших до его покоев в Красной Замке, это то, что Ренли Баратеон, Лорд Штормового Предела и последний оставшийся в живых брат Короля Роберта, погиб на дуэли. Джон не знал, что все это значит. Большинство говорило о девичьей чести, хотя Джон не мог понять, обесчестил ли он ее или обесчестил, обесчестив кого-то другого. Все, что он знал, это то, что какой-то лорд из Простора вызвал его на дуэль и убил. Джон хотел бы, чтобы это не заставляло его чувствовать себя виноватым, но это было так, независимо от того, была ли у него причина или нет. В конце концов, он смутно осознавал, что может извлечь выгоду из любой потери, которую понесут Баратеоны. Как и большая часть Простора.

Джон не успел пробыть в Королевской Гавани и недели, как появился какой-то мелкий лорд, очевидно вызванный на испытание поединком Робертом Баратеоном. Джон имел честь и сомнительное удовольствие сидеть вместе с королевской семьей и наблюдать за боем. Он почти не обращал внимания на происходящее вокруг. Он был уверен, что Маргери отругала бы его за это, но Джона не забивал голову гербами и подобными политическими штуками. Испытания поединком, невольно подумал он, давно должны были быть объявлены вне закона. Он не сомневался в Старых Богах, но сомневался в Новых и презирал саму мысль о том, что какие-то боги дают человеку умение сражаться, а также придумывают способы заменить этим его честь, долг и работу закона в целом. Честь и воинское мастерство не шли рука об руку. Даже если Джон когда-то так думал, рассказы Эртура о Горе, об Эйгоне и Рейнис, его брате и сестре, которые умерли еще до рождения Джона, лишили его этих мыслей.

Однако то, что Джон сидел рядом с членами королевской семьи, давало ему возможность познакомиться с остальными, и это было странно. Один только Роберт казался настоящим Баратеоном по внешности и характеру. Джон был не из тех, кто может судить. Он знал, что отличительные черты могут быть скрыты под другим цветом кожи, но хотя он знал, что является смесью обоих своих домов, он не мог найти ни одной из этих отличительных черт у детей Баратеона, которые все казались перерождениями их матери. Но даже так, многое можно объяснить. То, как внешность передается по наследству, было запутанным и странным, о чем свидетельствовал цвет кожи самого Дункана, совершенно не похожий ни на его, ни на Маргери. Джон никогда в жизни не стал бы утверждать, что понимает все это. Нет, что действительно беспокоило Джона, так это то, что Джоффри, коронованный принц, был слишком взволнован, увидев мертвого лорда. Джон мог бы и не винить его за это, в конце концов, он хотел бы видеть мертвым любого, кто посмеет попытаться убить дядю Бенджена. Именно то, как Джоффри при этом выглядел, беспокоило Джона. Он не говорил ни о справедливости, ни даже о мести. Вместо этого он шептал на ухо Джону, как будто они были сообщниками, о лужах крови и о том, что обнаженные кишки блестящие на солнце могут выглядеть так прекрасно, казалось, рассматривая все это как некое жуткое шоу, которое все устроили ради него. Впоследствии Джон содрогался даже при одной мысли об этом.

Именно после того, как Джон поделился своими опасениями с Эртуром, его дядя помог ему произнести клятву верности, чтобы она связала его с Робертом и только с Робертом, прежде

чем формулировка всего этого потребует от него произношения новой, чтобы вступить на службу к наследнику Роберта. Может быть, Джон и не стал бы просить об этом, если бы Ренли дожил до этого дня, если бы он не был тем, кем все его называли, или если бы Джоффри не оказался... таким. Но таковы были обстоятельства, и Джон отказывался присягать на верность там, где не был уверен, что сможет найти в себе силы. И это было без учета того, что сочетание Эртура, тети Дейнерис и четырех растущих драконов могло бы вызвать все это само по себе.

Он так сильно скучал по Маргери и детям, что это причиняло ему боль. Каждый вечер, ложась спать в одиночестве, он мечтал лишь о том, чтобы снова оказаться там, где ему положено быть, с его Леди-женой в объятиях, и это желание позволяло ему с легкостью отвергать любые приглашения в публичные дома, которые он получал. Он не хотел, чтобы из-за него кого-то воспитывали бастардом, даже если он сам был настоящим бастардом, как бы высоко он ни поднялся в этом мире. И кроме того, он не мог себе представить, что может так опозорить свою Леди-жену. Что же касается ощущения принадлежности... Да, Красный Замок показался ему немного знакомым, вызывающим какие-то отголоски в сердце, но они были слабыми и далекими и едва ли больше, чем гул от шума оживленного города снаружи и более оживленного замка вокруг него, и боль и дремлющая ярость этого места, казалось, проникли в самые его кости.

Слишком много лордов, чтобы их можно было сосчитать, явилось теперь, когда Лорд Ренли исчез с дороги, освободив место Мастера над Законом, и некоторые из них пытались подружиться с Джоном, как с самым новым членом Малого Совета, что мог иметь хоть какое-то право голоса при новом назначении. Малый Совет сам по себе был, более чем что-либо, делом, которое грозило вызывать у него постоянные мигрени. Очень немногие из происходящих дискуссий имели какое-либо отношение к Королевскому Флоту или кораблям вообще. И все же от Джона ожидали, что он будет присутствовать на каждой встрече и иметь свое мнение даже по самым незначительным вопросам, которые не имели никакого отношения к нему или его области знаний, в то время как ему было бы лучше поддерживать свое мастерство на тренировочном дворе.

Джон Аррен был таким же, как рассказывал ему отец Джона, добрым и благородным, но суровым, когда это было необходимо; Он нравился Джону. Он невзлюбил Великого Мейстера и Мастера над Монетой почти сразу же, как только познакомился с ними. Барристан Селми и Лорд Варис, хотя и те, и другие по-своему вызывали у него беспокойство, доставляли ему меньше хлопот. И все же половину времени он не понимал, что вообще делает среди таких людей, как эти, и как вообще может пытаться исполнить свой долг, каким бы он ни был. В чем состоял его долг в первую очередь? Был ли он Старком, каким его воспитал Лорд-отец? Был ли он тем самым Таргариеном, как учил его дядя Эртур, и тетя Дейенерис, что так сильно хотела, чтобы он показал себя именно таким?

'Возможно, ты не знаешь моего имени'. Он помнил эти слова с самого раннего детства. 'Но в тебе течет моя кровь'. Постараться сделать так, чтобы его Лорд-отец гордился им, даже если половина вопросов, вынесенных на первый план, не касалась его самого. Постараться быть таким же честным человеком, каким он умел быть, и при этом сохранить свою семью в полной безопасности. Если возникнет необходимость стать Таргариеном; а Джон не обманывал себя, скорее всего, так оно и будет, хотя и надеялся, что в далеком будущем; он станет стеной между любой угрозой и людьми, которых любит, независимо от того, сколько огня и крови потребуется пролить для этого. Он привык истекать кровью и ходить туда, где его могли сжечь.

"Лорд Старк", - сказал однажды незнакомый голос, когда он был в своих покоях, предположительно один. Джон подпрыгнул и не узнал незваного гостя, пока не обернулся и не

увидел Лорда Вариса. Его голос был глубже и весомее, чем когда-либо на одном из заседаний Малого Совета, которые они посещали вместе в течение трех или около того оборотов луны, пока Джон служил вместе с ним.

"Лорд Варис", - Джон вернул, больше, чем немного неуверенным голосом. Лорд Варис никогда не искал его прежде, хотя Джон несколько раз ощущал на себе тяжесть его взгляда во время их собраний. Он совсем не знал Паука, не говоря уже о том, чтобы понять, что тот делает в покоях Джона.

"Я верен королевству", - сказал Варис, опережая, казалось, все вопросы, которые мог бы задать Джон. "Я знаю, кто такой король. Я знаю, кто такой наследник. Ваши друзья верны вам. Было очень трудно получить хоть какую-то информацию. Тем не менее, мои маленькие птички поют мне, даже в эти дни, из Драконьего Камня и Простора, о другом пути к стабильности для королевства. Я принес вам подарок". - Он указал рукой на сундук, который Джон раньше не заметил. "Я слышал, что вы, возможно, знаете, что с ними делать".

Джон проглотил свои вопросы. Он пересек комнату и распахнул сундук, после чего почувствовал, как у него перехватило дыхание, когда он увидел три драконьих яйца внутри, лежащих в аккуратном ряду. Он слишком хорошо все помнил. Почти два года он истекал кровью по ночам. Возможно, во всяком случае, по мнению Лораса, он задерживал свой собственный рост в этом процессе, не то чтобы он думал, что когда-нибудь станет высоким; его дяди не были такими. Крепкие и сильные, но никогда - высокие. Два года ежедневной боли и усталости, погружения в такой глубокий сон, что он никогда не был полностью уверен, что проснется. Два года его собственные инстинкты командовали им до такой степени, что он даже не знал, какие действия были его собственными. Он не мог делать это снова. Не мог.

'Разбуди нас, Джейхейрис Таргариен', - прошептало что-то, и Джону захотелось разрыдаться, потому что эти голоса наконец покинули его, когда он бросил последние яйца в Пасть Дракона, и теперь они снова были здесь, преследуя его. 'Проснись. Разбуди нас'.

'Я уже проснулся', - невольно подумал Джон. Он не нуждался в этих яйцах. Он знал, что и кто он такой. Он не мог сделать это снова. "Благодарю вас, Лорд Варис", - выдавил он из себя, но тут же понял, что пухлый Лорд уже покинул его покои, и он оказался лицом к лицу с тремя сверкающими драконьими яйцами, которые почему-то совершенно не давали ему отвести взгляд. Стиснув зубы, Джон вытащил из-за пояса кинжал и вскрыл старый шрам на левом предплечье, хотя бы для того, чтобы заставить их оставить его в покое. Он позволил своей крови капать на окаменевшие яйца; они не дадут ему покоя, если он этого не сделает. Это был эксперимент, сказал он себе, всего лишь способ выяснить, будут ли они реагировать так же, как и предыдущие.

Как и прежние четверо, они сосали кровь, как голодные губки. Застонав, Джон поднял их одну за другой и бросил в огонь, который освещал его комнату. Он позвонил и позвал слугу.

"Сообщите кастеляну и Малому Совету, что я на несколько дней отправляюсь в Драконий Камень", - распорядился он. "Я уеду послезавтра".

"Я не могу полностью вспомнить, как выглядит моя дочь", - сказал Джон, встретившись на следующий день с Джоном Арреном. К его стыду, это была чистая правда. Все, что он мог сделать, это посмотреть в зеркало и попытаться представить свои собственные черты на младенце. А ему так хотелось увидеть, как выросли его дети, оба они. "Мне нужно время от времени бывать дома. Леди Старк может быть и Леди Драконьего Камня, но она также и моя жена, и я должен быть с ней, когда могу".

'Проснись, Джейхейрис Таргариен', - прошептал его собственный разум. 'Разбуди нас'.

"Я понимаю", - сказал ему Джон Аррен. Он протянул руку и взъерошил волосы Джона, но тот изо всех сил старался не реагировать, не морщиться, не вздрагивать и не говорить Деснице Короля, что он действительно слишком стар для таких жестов. Он был взрослым человеком во всех отношениях, и к тому же отцом двоих детей.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/40965/918648>